

Лев КОЛОДНЫЙ

Как я стал баснописцем

Веч. клуб. - 1994. - 3 дек. - с.4.

Сегодня о Джуне не пишет разве что ленивый. В моей коллекции — несколько папок вырезок из всевозможных газет и журналов, посвященных героине, о которой я впервые написал в августе 1980 года в «Комсомольской правде», после чего она проснулась в Москве знаменитой.

Ну а вслед за тем начались обычные совковые дела: была дана команда ничего о ней не писать без разрешения руководства аж Главлита, а там требовали по меньшей мере визу президента Академии наук СССР. Можно было довольствоваться визой заведующего отделом науки ЦК, но как раз оттуда и исходила команда — о Джуне ни строки.

Между тем как раз в Москве с благословения самого дорогого Леонида Ильича начались в подвале Института физиологии научные эксперименты, которые поручено было вести физикам Института радиотехники и электроники. Они очень скоро убедились, что слова у Джуну не расходятся с делом.

Казалось бы, мне ничего не оставалось, как взять интервью у профессоров и дать его в газету, в ту же «Комсомолку». Но не тут-то было, самая смелая газета ничего поделаться не могла. А вот поливать грязью Евгению Ювашевну, которая самозабвенно трудилась на благо науки, можно было, что и делали постоянно чуть ли не каждую неделю в слывущей тогда самой передовой нашей писательской газете.

Что же делать? Написал я интервью и послал президенту Академии наук Анатолию Петровичу Александрову с просьбой прочесть и завизировать. Никакой крамолы там не было, просто информация о том, что рукой дистанционно кожа разогревается градусом на три, что противоречило второму закону термодинамики. Естественно, это противоречило и многим другим представлениям, о которых я не буду для краткости распространяться. Наш президент слыл человеком передовым, «широкополосным», как мне говорили мои друзья физики, известно также было всем, что он не прочь пошутить, даже стоя на самой высокой трибуне.

Звоню я ему через месяц после того, как послал свою заметку. И слышу в трубке правительственного телефона, вертушки, его добродушный голос. Действительно веселый. И поведал мне Анатолий Петрович про своих киевских тетушек, которые увлеклись спиритизмом, крутили тарелки. К области этой отнес он и Джуну, не став читать даже мою на три страницы текста писульку. Но прочесть ее обещал. Звоню еще через пару недель. Прошу принять. «Приезжайте!» — говорит так запросто президент. — Я сейчас на месте». Я разогнал с Пресни в Нескучный сад. На проходе меня не пускают. Пропуск референт мне не заказал, ну а с простого телефона мне же ему не дозвониться. На страже в приемной президента сидела референт — суровая Наталья Леонидовна, которая побаивались даже действительные члены академии. Сторожила она хозяина надежно. Ну я снова еду к вертушке, снова получаю приглашение, и снова история повторяется. Такую шутку выторгал со мною «Фантомас» (как звали А.П. за его абсолютную лысину и схожесть с известным киногероем) несколько раз, всякий раз извиняясь, когда я прорывался к нему по телефону.

Вот тогда я взялся за перо и вместо очередной записки с просьбой об аудиенции сочинил басню нижеследующего содержания:

Лев и волк

А.П. Александрову

*Добился Волк аудиенции
у Льва
Звонком в чертог.
У Серого вскружилась
голова,
И он, не чуя ног,
рванулся за порог,
Но преступить его никак
не мог,*

*Хоть скручивался весь
в бараний рог,
Стирался в порошок.
Надежда Серого была*

*на Льва:
Ходила про того молва,
Что юмор уважал.
А Волк за шутки*

*пострадал.
И, глупенький, мечтал,
Что Царь взведет его
на пьедестал.*

*Лев вял его молве
И пригласил к себе:
И раз, и два, и три!
Да позабыл, что есть*

*секретари,
Тьма вице-президентов
И куча референтов.
Пади, замри!
Не приходи!
Умри!*

*Того не может
президент,
Чего не хочет референт.*

Не знаю, понравился ли мой басенный опус президенту, но он не упустил случая сказать мне по телефону, что сочинять басни мне ближе, очевидно, имея в виду, что лучше бы я не совался в физику. Но когда он еще раз сказал мне в трубку: «Приезжайте!» — я приехал. И прошел с пропуском в его кабинет, где перед заветной дверью сидела, не глядя в мою сторону, Наталья Леонидовна. Я переступил порог Овальной комнаты, где просидел долго, часа два, рассказывая президенту про издевательства, которым подвергалась Джуну со стороны некоторых академиков от медицины. И ушел от него с автографом на интервью, которое «Комсомолка» напечатала в канун 1983 года. Два года после этого я снова ничего не мог написать о продолжавшихся экспериментах. Ну а вслед за тем, как известно, началась перестройка и гласность. Басен теперь, как и виз, не требуется.